

На правах рукописи
УДК 821.161.1

БОГОДЕРОВА Анна Александровна

**СЮЖЕТНАЯ СИТУАЦИЯ УХОДА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА**

Специальность 10.01.01 – русская литература
(филологические науки)

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

- 8 ДЕК 2011

Новосибирск
2011

Работа выполнена на кафедре русской литературы и теории литературы федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Новосибирский государственный педагогический университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук
Печерская Татьяна Ивановна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
Ходанен Людмила Алексеевна

кандидат филологических наук
Лозюк Наталья Юрьевна

Ведущая организация: учреждение РАН «Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН»

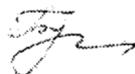
Защита состоится 20 декабря 2011 г. в 13.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.172.03 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет» по адресу: 630126, г. Новосибирск, ул. Виллюйская, 28.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет».

Автореферат опубликован на сайте ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет» «18» ноября 2011 г. www.nspu.net.

Автореферат разослан «16» ноября 2011 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук, профессор

Е.Ю. Бульгина

Общая характеристика работы

В мировой литературе тема ухода является частотной и устойчивой: герой покидает дом, порывает со своим окружением и меняет род занятий в надежде радикально изменить себя, отказывается от всей своей прежней жизни, стремясь обрести нечто большее. Судя по частотности использования, эта универсальная модель оказалась особенно актуальной для русской литературы второй половины XIX века. Она воплотилась в произведениях писателей, различных по мировоззрению, литературным школам, наконец, по дарованию: от беллетристов демократической литературы 1860-1870 годов до И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского и А.П. Чехова, Л.Н. Толстого, реализовавшего «уход» не только в творчестве, но и в жизни.

Степень разработанности проблемы. В литературоведении эта ситуация рассматривалась в творчестве отдельных авторов или как самая общая, архетипическая модель.

Различные картины ухода героя отражены в исследованиях русской литературы Просвещения и романтизма (Ю.М. Лотман, Ю.В. Манн), литературы второй половины XIX века, произведений И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова (К.А. Кедров, В.М. Маркович, В.Б. Катаев, Э. Стеффенсен). Неоднократно предпринимались попытки установить сходство и различие в развитии этой темы у Чехова и Толстого или Чехова и Тургенева, Толстого и Гоголя (С.Г. Бочаров, В.О. Штефанович, В.Е. Хализев).

В работах М.Н. Виралайнен [Виралайнен, 2003] представлено описание ухода как мифологемы, что позволяет исследованию выйти за пределы творчества одного автора и проследить воплощение этой идеи как в литературе, так и в жизни. По мнению исследователя, архетип утраты как обретения порождает мифологему ухода, которая в литературе воплощается как перипетия ухода. Общее значение мифологемы связано с отказом от самотождественности, стремлением уйти из места, связанного с прежним самоопределением, неясностью предстоящего пути, утратой всего для того, чтобы обрести все.

В генезисе мифологемы выделяются две составляющих. Одна из них восходит к Новому Завету, призывающему оставить все и идти за Христом. Смысл такой ситуации сакральный - движение к Богу. На этой основе формируется житийный архетип, который развивается и в европейской, и в русской традициях средневековых литератур.

Другой источник мифологемы связан с культурным механизмом, уходящим корнями в фольклор и языческую обрядовую практику. Сравнительная мифология возводит мифы и сюжеты к архаическому ритуальному комплексу переходных обрядов, сопровождающих всякую перемену места, состояния, социальной позиции и возраста.

По мысли исследователей, в подсознании человечества сохранились древнейшие представления об устройстве и движении мира. Необходимость расстаться с прежней жизнью, пожертвовать привычным, уйти из дома для обретения истины, жизненной дороги и нравственной правды – одно из таких

представлений, одна из первичных идей человеческого сознания. Выражением этого архетипа в области сюжета на самом древнем этапе является циклическая модель, построенная по схеме инициационного комплекса. В литературе Нового времени в сюжете становления уход связан с поисками героем самого себя, выбором равновероятных возможностей своего дальнейшего развития (С.Н. Бройтман), изменением собственной сущности (Ю.М. Лотман). В.И. Тюпа рассматривает уход как одну из фаз археосюжетной модели: обособление (уход из дома), партнерство (ложное партнерство, искушение), лиминальная стадия (символическая смерть), преображение (возвращение в дом Отца). В данной работе проявления модели рассматриваются в литературе второй половины XIX века, в отдельной сюжетной ситуации. Выстраивается типология структурно-семантических вариантов сюжетной ситуации ухода. Анализ семантики сюжетной ситуации произведен с опорой на ее комбинаторику и парадигму, что позволяет выявить ее содержательную и структурную сложность.

Актуальность работы определяется усиливающимся в современной науке интересом к типологии сюжетов русской литературы, разработке новых подходов к модели ее исторического развития. Особое значение имеет исследование этого процесса не только в связи с его вершинными явлениями, произведениям классиков, но с привлечением широкого материала русской беллетристики. Кроме того, представляются недостаточными современные знания о комбинаторике и валентности сюжетных ситуаций.

Научная новизна работы заключается в исследовании сюжетной ситуации, включающем структурное, семантическое, функциональное и типологическое изучение. Впервые обследован обширный корпус произведений русской литературы второй половины XIX века, позволяющий выстроить типологию сюжетной ситуации ухода на основе вариативной модели, включающей комбинаторику и «валентность» ситуации ухода с близкими ей по семантике.

В данном исследовании **объектом** исследования являются беллетристические и классические произведения русской литературы второй половины XIX века (рассмотрено 240 текстов).

Предмет исследования – сюжетная ситуация ухода и ее модификации в типологическом аспекте.

Целью работы является исследование сюжетной ситуации ухода: от выявления корпуса текстов, в которых она представлена, до систематизации вариативных моделей, контаминаций с другими сюжетными ситуациями и анализа функции в сюжетном целом произведения. В историко-литературном аспекте целью работы является построение типологической парадигмы «уходов», а также осмысление ее значения и определение места, которое занимает ситуация ухода в сюжетном репертуаре русской литературы второй половины XIX века в контексте философских, религиозных, социальных идей этого периода.

Для достижения выдвинутой цели ставятся следующие **задачи**:

1) выявление произведений, содержащих исследуемую сюжетную ситуацию или ее модификации;

- 2) описание структуры и семантики сюжетной ситуации ухода;
- 3) определение места сюжетной ситуации ухода в ряду родственных или сходных ситуаций;
- 4) исследование вариантов развития ситуации ухода в беллетристике 1850-1900-х годов, определение характера изменения ее структуры и содержания;
- 5) анализ структуры и семантики ситуации ухода в произведениях А.Н. Островского, Н.С. Лескова, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского и А.П. Чехова;
- 6) построение типологии вариантов сюжетной ситуации ухода в аспекте сюжеттики второй половины XIX века.

Методологическую основу составляют структурно-типологический, структурно-семантический и историко-литературный подходы. Методологической базой исследования являются работы А.Н. Веселовского, В.Я. Проппа, О.М. Фрейденберг, Б.В. Томашевского, М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, Е.М. Мелетинского, С.Н. Бройтмана, С.Ю. Неклюдова; Л.С. Левитана, Л.М. Цилевича, В.Г. Краснова, Т.И. Печерской, Е.К. Никаноровой, В.И. Тюпы, Ю.В. Шатина, И.В. Силантьева, Н.Д. Тамарченко, Б.Г. Гаспарова.

Положения, выносимые на защиту:

1. В русской литературе второй половины XIX века сюжетная ситуация ухода является магистральной: она сохраняет свою значимость на протяжении рассматриваемого периода во всем разнообразии литературного процесса, как в произведениях классиков, так и в беллетристике. Актуализации темы способствовали культурные и общественные процессы эпохи Великих реформ, смена культурной парадигмы, влияние на литературу группы авторов, для которых разрыв с традицией и своим кругом был девизом, частью самоопределения и фактом биографии.

2. Инвариантная семантика ситуации - свободный выбор собственного места в мире, личностное самоопределение. Структурная и семантическая определенность сюжетной ситуации ухода обусловлена рядом фабульных и вне-фабульных базовых компонентов: добровольный уход из дома, разрыв со своим кругом и отрицательная оценка покидаемой обстановки; пространственная и/или содержательная неопределенность будущего, переход от худшего к лучшему с точки зрения героя, смена внешнего статуса и внутреннего самоощущения.

3. Сюжетной ситуации ухода свойственна широкая вариативность, связанная с ее способностью комбинироваться с другими сюжетными ситуациями, возможностью в качестве звена входить в традиционные фабульные схемы. Ситуация может развиваться на основе традиционных мотивов, близких по семантике, касающихся личностного самоопределения героя, связанных с религиозной сферой, социальной проблематикой, демократическими идеями преобразования жизни, любовными и семейными отношениями героев.

4. Готовая ситуация, используемая писателями-классиками, подчиняется индивидуальному авторскому сюжету, трансформируется под влиянием художественной системы произведения. В произведениях Толстого и

Чехова возникают новые структурные и семантические особенности ухода: Толстой, разрабатывая типологически сходные житейные фабулы, утверждает собственную концепцию жизни; в творчестве Чехова семантика сюжетной ситуации дополняется через систему сопутствующих пространственных мотивов, выявляются иллюзорность целей и сомнение в самой готовности героев совершить уход.

5. Построение сюжета в классической литературе XIX века основано на комбинаторике внутри сюжетной ситуации (или другой единицы). Соединение близких по семантике ситуаций создает разнообразие сюжетов, превращает их в явления, не поддающиеся однозначному определению, повышает их смысловой потенциал.

Теоретическая значимость состоит в расширении возможностей исследования сюжетной ситуации в рамках сюжетного целого с учетом структурного и семантического ресурса ее модификаций, генерирующих новые смыслы за счет пересечения и взаимодействия с типологически разнородными ситуациями и мотивами.

Практическая значимость заключается в возможности использования результатов при составлении указателей сюжетов и мотивов русской литературы, а также в учебно-педагогической практике: вузовском преподавании при разработке курсов «Русская литература XIX века», «Анализ художественного текста», «Теория литературы».

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования представлены на Филологических чтениях (НГПУ: апрель 2009, апрель 2010, апрель 2011), на международной летней школе «Русская литература: история и историография» (Институт русской литературы РАН, июль 2009), межвузовской научной конференции «Духовное наследие Л.Н.Толстого в эпоху современности» (Новосибирский Гуманитарный Институт, 2010), региональной научной конференции «А.П. Чехов в Томске» (ТомГУ, 2010), всероссийской научной конференции «Лирические и эпические сюжеты и мотивы в русской литературе» (Институт филологии СО РАН, 2011), всероссийской научной Интернет-конференции «Святоотеческие традиции в русской литературе» (2010). Содержание работы отражено в 7 публикациях (в том числе 2 статьи в журнале, рецензируемом ВАК).

Структура исследования. Диссертация объемом 278 страниц состоит из введения, трех глав, заключения, приложения и списка литературы, включающего 135 наименований.

Основное содержание работы

Во введении обосновывается актуальность, научная новизна, практическая ценность работы; определяется объект и предмет исследования, формулируются его цель и задачи, указываются методы исследования, характеризуется степень изученности проблемы.

В первой главе «Варианты сюжетной ситуации ухода в русской литературе второй половины XIX века» представлена типология вариантов сюжетной ситуации ухода. Выделено два направления в развитии ситуации –

связанное с религиозной сферой, наиболее близкое к новозаветному источнику, и связанное со сферой гуманистических ценностей, заменяющее сакральный смысл иными целями и идеалами.

Раздел, в котором описаны варианты, связанные с религиозной сферой (уход в монастырь/скит, пустыню, странствие, юродство), включает самое большое число мотивов и фабульных схем. Героям свойственно скорее отчуждение от окружающего, неприятие касается преимущественно собственной жизни. В меньшей степени проявляется признак неопределенности дальнейшего пути.

Описанные в параграфе сюжетные ситуации по проблематике разделены на три группы, выявлено различие в возможностях их комбинирования с сюжетной ситуацией ухода. При всей распространенности уходов в монастырь, скит, пустыню, странствие, они далеко не везде разворачиваются в сюжетную ситуацию ухода, часто не имеют значения радикальной внутренней перемены и обретения нового жизненного содержания. Наряду с попытками приблизиться к Богу распространены уходы из-за несчастной любви, бедности, страха перед жизнью и прочие причины, не имеющие отношения к религиозному поиску.

Наиболее продуктивны ситуации, связанные с личным самоопределением героя. Признаки сюжетной ситуации ухода проявляются в вариантах, связанных с использованием и трансформацией агиографической традиции: желание в раннем возрасте посвятить себя Богу, благочестивое окончание жизни, сюжеты *блудный сын*, *переход военного в монахи*, *великий грешник*. В меньшей степени способны к комбинированию с ней социальные и любовно-семейные ситуации. Уход в таких ситуациях, как принуждение к браку с нелюбимым человеком, любовный треугольник, социальный конфликт обладает необходимыми признаками лишь в немногих произведениях. В таких случаях углубление семантики достигается за счет влияния других ситуаций, связанных с демократическими идеями (Н.Н. Златовратский, Г.И. Успенский), агиографической традицией (Н.С. Лесков, И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский).

Однако и в тех произведениях, где причиной ухода является желание аскетизма и религиозного служения, ситуация зачастую не разворачивается подробно, остается периферийным мотивом; традиционный агиографический вариант превращается в иронически употребленное клише.

Само содержание различных форм христианской аскезы, ее метафизическая глубина, заставляющая человека выбрать этот особый путь вместо праведной мирской жизни, не представляет интереса для множества русских авторов второй половины XIX века. Напротив, именно реабилитации своеобразно понятой мирской праведности авторы уделяют много внимания. Мирская жизнь со всей ее сложностью перестает рассматриваться как нечто однозначно отрицательное, стремление уйти от нее в монастырь или пустыню может переосмысливаться негативно. Народные заступники Г.И. Успенского и П.В. Засодимского, праведники Лескова вместо религиозной цели стремятся к гуманистическим ценностям, а переход от ложного к истинному связывается с уходом из монастыря или пустыни и возвращением к людям. Особое значение эта тема получает для П.И. Мельникова-Печерского, М.С. Мамина-Сибиряка,

акцентировавших негативные стороны жизни старообрядческих скитов. У Лескова и Толстого монастырь или пустыня приобретают индивидуальную семантику, превращаются в символ замкнутого образа жизни, самоизоляции от людей и их нужд, в конечном итоге от настоящей жизни.

Варианты ухода, связанные с гуманистическими ценностями: с социальной проблематикой, демократическими идеями преобразования жизни, с тематикой любовных и семейных отношений и личного выбора – имеют свои структурные и семантические особенности. Ненависть к оставляемому здесь – сильный компонент. Для героя важно самому выбрать свой путь, проявить инициативу и спасти себя от того, что ему предписано, будь то власть семьи, места или общественного устройства. Образ оставляемого мира становится четким, формируются два типа покидаемой обстановки - *пустое пространство* (мотивы опустошения, истощения, разрушения) и *тюрьма* (семантика несвободы). Используется мотивный комплекс, в котором важное место занимает сквозной мотив *разрушение старого дома*, связанный со сменой исторических эпох, с неизбежным и катастрофическим переходом от устаревших форм жизни к новым. Видимая перемена внешнего статуса не всегда радикальна, центр внимания перенесен на внутренние перемены. Этому варианту ситуации свойственна разнообразная неопределенность будущего, закономерная при необходимости лично определять строй своей жизни. При анализе обнаруживается лишь кажущаяся ясность даже в тех случаях, когда герои могут описать планы дальнейшей жизни.

Если религиозно обусловленный уход отодвинут на периферию, то демократический вариант, напротив, оказывается во второй половине XIX века в центре внимания. В нем актуализируется евангельская составляющая архетипа ухода. Однако в структуре наблюдаются отличия от религиозного варианта. Установлено соответствие между отдельными направлениями беллетристики второй половины XIX века и характерными для них вариантами ухода, обусловленными специфическим мировоззрением, проблематикой, тематическими предпочтениями и стилем.

Для демократов-шестидесятников (Н.Г.Чернышевский, В.А. Слепцов), для демократического романа 70-х годов (И.А. Куцевский) контекстом возникновения ситуации ухода становится сюжет, связанный с героем рахметовского типа, где уход героя из его среды – одно из звеньев. Распространенная сюжетная ситуация, с которой комбинируется ситуация ухода – любовь к «чужому», т.е. человеку другого социального круга и других интересов, например, студенту, носителю прогрессивных идей.

Для авторов-народников П.В. Засодимского, Н.Н. Златовратского, С.М. Степняка-Кравчинского, Г.И. Успенского, С.Н. Каронина попытка слияния интеллигента или дворянина с народом может становиться как основой фабулы, так и превращаться в мотив, внефабульный элемент.

Демократический вариант оказался настолько значимым, что повлиял на прочие варианты ситуаций. Уход в народ, изначально связанный с идеей жертвенного служения высшей цели (благу народа), превращающийся в подобие монашеского служения, в качестве мотива претерпевает изменения,

делающие его сходным с мотивом *уход в монастырь*. Как и уход в монастырь, в некоторых случаях совершающийся из-за тяжелых материальных условий, боязни жить, уход в народ может иметь причины, далекие от всеобщего блага (И.А. Эртель, Г.И. Успенский). Желание уйти в монастырь в раннем возрасте оказывается иногда признаком будущего народника. У авторов-народников даже возникает постриг ради служения народу. Тема служения народу актуализирует сравнения народников со святыми, но при этом возможно и обратное: уподобление святого народнику. Одной из идей Г.И. Успенского, повторяющейся в нескольких его произведениях, было родство народнического идеала коренному типу русского святого, направляющего силы на практическую пользу, «ощутительное добро», служение ближнему. В целом заметна тенденция к секуляризации религиозной сферы и сакрализации народнической борьбы.

Помимо демократического варианта существуют и другие, связанные с гуманитарными ценностями. Ситуация проявляет свою множественную вариативность, комбинаторные возможности, проникая в разнообразные сюжеты.

К ним относятся варианты сюжетной ситуации ухода, связанные с социальной проблематикой. Выход из сословно-корпоративной среды, связанный с карьерным ростом, возвышением за счет личных качеств, уход на поиски лучшей жизни представлены в произведениях Ф.М. Решетникова, С.Н. Каронина, Н.Н. Златовратского, Д.Н. Мамина-Сибиряка, Г.И. Успенского, И.А. Левитова, П.В. Засодимского, Н.А. Лейкина, И.А. Эртеля, П.Д. Боборыкина. Выход из социума представлен редким мотивом *добровольное бродяжничество* (А.И. Левитов В.Г. Короленко) и распространенным мотивом *побега крепостных крестьян или рабочих, беспаспортных крестьян* (Н.В. Басаргин, И.А. Левитов, В.В. Крестовский, П.В. Засодимский, А.А. Шклярский, Н.Н.Златовратский, С. Каронин, Г.И. Успенский, Д.Н. Мамин-Сибиряк).

Сюжетная ситуация ухода контаминируется с широко распространенными ситуациями *уход от мужа/жены, измена* (А.Ф. Писемский, И.С. Тургенев, Н.С. Лесков, Г.И. Успенский, Л.Н. Толстой, А.И. Левитов, Г.И. Успенский, А.С. Лазарев-Грузинский, П.Д. Боборыкин, Ф.Ф. Тютчев, Е.М. Шаврова, Н.Г. Гарин-Михайловский, Ал.П. Чехов), *бегство девушки из родительского дома и любовь к «чужому»* (И.С. Тургенев, И.А. Леонтьев-Щеглов, М.П. Старицкий), *уход из семьи вследствие конфликта* (А.Ф. Писемский, Н.Д. Хвошинская, П.И. Мельников-Печерский, П.Д. Боборыкин, Н.Г. Гарин-Михайловский).

Кроме того, возникают контаминации с обширной группой ситуаций, тематически связанных с личностной проблематикой.

Это варианты ухода, относящиеся к религиозной сфере, но не связанные с традиционными формами аскетизма - самопожертвование, благочестивое окончание жизни (П.Д. Боборыкин, Н.С. Лесков, М.Е. Салтыков-Щедрин).

Помимо агиографического варианта сюжета, основанного на мотиве *раскаившаяся блудница*, Ф.М. Достоевским, В.М. Гаршиным разрабатывался еще один сюжет *спасение через брак*, не связанный собственно с христианством, актуализирующий социальную проблематику.

Возможны комбинации с мотивом *уход на войну* (А.А. Потехин, А.К. Толстой, В.И. Бибиков, Л.Н. Толстой, Г.И. Успенский, М.С. Мамин-Сибиряк) и группой сюжетов, связанных с художником (*гибель таланта*) (Ф.Н. Юрковский, И.Л. Леонтьев-Щеглов, В.М. Гаршин, М.Е. Салтыков-Щедрин).

Сюжетные ситуации, в которых наиболее значим локус, в который намерен попасть герой – *отъезд за границу, отъезд из провинции* – в зависимости от причин и целей отъезда распадаются на отдельные мотивы, на несколько семантических вариантов. При этом мотив отъезда за границу часто комбинируется с семейно-любовными ситуациями (Н.С. Лесков, П.Д. Боборыкин Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев, А.Ф. Писемский, Ф.М. Достоевский).

Для множества авторов характерен пессимистический взгляд на идею ухода. Попытки героя найти себя на путях, не предписываемых прямо ни христианской традицией, ни демократическим движением, часто остаются нереализованным желанием или не приносят ожидаемых результатов, приводят к разочарованию вплоть до самоубийства. Ю.М. Лотман указывает на принципиальное отличие русского сюжета от европейского [Лотман, 1988]. Если для западного романа динамика сюжета – нахождение героем достойного места, то в русской литературе сюжет связан с изменением внутренней сущности героя. Развитие сюжетной ситуации ухода отражает эту закономерность: вместо положительных перемен собственной жизни герой переживает прозрение, приходит к определению своей внутренней сути.

Во второй главе «Уход – сюжет жизни и творчества Л.Н. Толстого» проанализированы сюжетная ситуация ухода в произведениях Л.Н. Толстого и развитие темы ухода в религиозно-философских трактатах «Так что же нам делать?» (1882-86), «В чем моя вера» (1884), «Царство Божие внутри вас» (1893), дневниках и переписке 1880-1910 г. Это обусловлено повышенной личной значимостью темы для данного автора, рассматривавшего уход не только как литературный, но и как биографический возможный сюжет.

Особый интерес представляет выявление соотношения этих двух сюжетов, анализ развития одной темы в текстах разной природы. Рассмотрение трактатов, дневников и переписки позволяет выделить специфический круг проблем, связанный для Толстого с этим движением.

Рассмотрены различные способы радикально изменить свою жизнь, выйти из создавшегося положения, установлено значение ухода как одного из вариантов таких изменений (уход в бродяжничество или странствие, опрощение, уход в колонию; побег за границу, в Америку; погружение в свою внутреннюю жизнь; тюремное заключение и казнь за убеждения; самоубийство, смерть). Прослеживается тенденция к раздвоению, сосуществование двух вариантов развития одной темы в дневниках, переписке, художественных произведениях.

Определяются актуальные варианты для мировоззрения и художественного мышления Толстого. Наиболее «теоретически разработанные» варианты остаются литературными замыслами (вторая часть «Воскресения» – «деревенский Нехлюдов», роман о переселенцах, о переехавшем на неосвоенные земли «нашем брате образованном»). Более продуктивно обращение к наименее развернутым в нехудожественных произведениях мотивам странничества или

бродяжничества, которые актуализируются в сюжетной ситуации ухода. Обращаясь к типологически сходным житийным фабулам, в частности, к традиционной фабуле *скрывающийся император*, Толстой прибегает к их осложнению и трансформации, утверждает собственную концепцию человеческой жизни.

Развитие сюжетной ситуации ухода на протяжении творческого пути Толстого связано со следующими изменениями в семантике ухода.

Традиционный мотив связан с идеей Толстого, выраженной в его религиозно-философских трактатах («В чем моя вера?», 1884; «Царство Божие внутри вас», 1890-1893): движение к небытию может быть преодолено не верой в загробное воздаяние, а обращением к другим людям, готовностью пожертвовать собой ради их блага, единением, гармонизацией жизни человечества уже в земной жизни.

Персонажи произведений 1880-1900-х годов уходят, чтобы, не заботясь о собственном благополучии, посвятить себя служению другим (рабство в «Петре Мытаре», 1894; проповедь истины в «Ассирийском царе Асархадоне», 1903; и то, и другое – в «Отце Сергии», 1890-98).

Развитие сюжетной ситуации на протяжении творческого пути Толстого связано с варьированием семантики ухода, которая может изменяться в текстах иной природы, с иным типом героя. От ухода, направленного вовне, связанного с устремлением к единению с другими и влиянию на них, Толстой в драме «И свет во тьме светит» (1890 – 1900) обращается к бегству как неудавшейся попытке выхода из конфликтного положения, что в итоге осуществляется в смерти персонажа. В последнем произведении «Посмертные записки старца Федора Кузмича...» (1905) конфликт разрешен уходом героя во внутреннюю жизнь и сосредоточенностью на состоянии души.

На первый взгляд, Толстой тяготеет к вариантам, связанным с религиозной сферой. Однако анализ художественных и философских произведений Толстого, а также его биографических материалов показал значительные отличия толстовской модели ухода от агиографического варианта и явное сходство с демократическим вариантом. Прежде всего, с демократическим вариантом уходы у Толстого сближает выраженная ненависть к оставляемому миру, причем выдвигаемые к нему претензии, связанные с индивидуальной толстовской проблематикой, носят во многом социальный характер. Само название трактата «Так что же нам делать», призывы к сближению и слиянию с крестьянством, аскетизм проявляют сходство с демократическими идеями. Толстой обращается к устойчивой системе метафор: неправильный общественный строй – ветхий дом, готовый развалиться, тюрьма, переход к новой жизни – плавание по морю. Вместе с тем дневник, письма, художественные произведения демонстрируют второе принципиальное качество: неясность перспектив ухода, в том числе для самого автора. Новая жизнь ушедшего героя может быть показана самыми общими чертами. Внутренняя непроясненность перспектив для самого писателя проявляется в умозрительности и схематизме, недосказанности в изображении жизни персонажа после ухода. Большинство произведений остаются незаконченными, причем отсутствует именно часть, описывающая дальнейшую судьбу героя. Специфические формы

«правильной» жизни, связанные с «обновленным», прагматическим христианством, также отличаются от традиционной христианской аскезы.

В третьей главе «Варьирование сюжетной ситуации ухода в творчестве А.П. Чехова» впервые выявлены и объединены типологически все варианты сюжетной ситуации ухода и ее контаминаций у данного автора. У Чехова представлены практически все возможные варианты ситуации второй половины XIX века, а также развивается ее индивидуальная модификация.

Уходы, связанные с религиозной сферой (уход в монастырь, пустыню, странствие), представлены преимущественно иронически. Мотивировки предполагаемого ухода в монастырь далеки от духовных поисков: альтернатива нежеланному браку или одинокой старости («Три года», 1895), тяжелое социальное положение («Володя большой и Володя маленький», 1893; «Вишневы сад», 1904), конфликты с семьей и обществом («Приданое», 1883; «Княгиня», 1889; «Жена», 1892; «Рассказ неизвестного человека», 1893). Комически обыгрываются агиографические элементы: желание в раннем возрасте посвятить себя Богу («На пути», 1886; «Сара Бернар», 1881; «На страстной неделе», 1887), раскаяние преступника («Дело Рыкова и комп.», 1884); мотив уход из монастыря («Без заглавия», 1887).

Специфические черты приобретают варианты ухода, связанные с социальной проблематикой: выход из сословно-корпоративной среды, уход на поиски лучшей жизни («Перекасти-поле», 1887; «Мужики», 1897; «Ворь», 1890; «Мечты»), выход из социума, добровольное бродяжничество, побег беспаспортных крестьян («Перекасти-поле», «Ворь», 1890, «Барыня», 1882).

Особенно развернутой и значительной оказывается группа ситуаций, связанных с тематикой любовных и семейных отношений и личного выбора: уход от мужа/жены («Дама с собачкой», 1899; «Огни», 1888; «Рассказ неизвестного человека», 1893; «Безотцовщина», 1879; «Дуэль», 1891; «Именины», 1888; «Моя жизнь», 1896; «О вреде табака», 1886); уход девушки из родительского дома, любовь к «чужому» («Соседи», 1892; «Цветы запоздалые», 1882; «Верочка», 1887; «Иванов», 1889; «Моя жизнь», 1896, «Теща-адвокат», 1883; «На пути», 1886; «Бабы царство», 1894); уход в актрисы («Панихида», 1886; «Чайка», 1896); отъезд за границу («Иванов», 1889; «Скучная история», 1889), отъезд в Америку («Иванов», 1889); отъезд из провинции («Учитель словесности», 1894; «Перекасти-поле», 1887; «Три сестры», 1901; «Дуэль», 1891; «Безотцовщина», 1879). Кроме того, к тематике личного самоопределения приближаются ситуации, связанные с прогрессивными идеями преобразования жизни: отъезд на курсы («Невеста», 1903), «опрошение» («Моя жизнь», 1896; «Хорошие люди», 1886) и прочие варианты («Три года», 1895; «Случай из практики», 1898; «Три сестры», 1901; «Безотцовщина», 1879).

Свойственный русским авторам этого периода пессимизм в отношении идеи ухода у Чехова приобретает особый характер. Вместо неправильного устройства общества или изначальной неверности идеи стремления к новым формам жизни (мотивировки, типичные для народников и авторов антинигилистического направления) причиной неудачи является недостаточность сил самого персонажа.

Анализ внефабульных компонентов выявляет принципиальную общность всех вариантов сюжетной ситуации: независимо от избранной цели ухода, во всех случаях кажущаяся определенность будущего оборачивается лишь иллюзией ясности. Предполагаемое бегство в Париж, на Кубань, в Сибирь, в Петербург, в Москву, уход на завод или «в соседнюю губернию оспу прививать» может быть так же неясно, как и уход «куда угодно», «куда глаза глядят». При необходимости определить свои планы, исходя из своих реальных возможностей, персонажи прибегают к привлекательно звучащему народническому или иному клише.

В произведениях Чехова давно замечена особая напряженность, расхождение между сюжетом и фабулой, возрастание значения внефабульного элемента. Различные варианты сюжетной ситуации ухода связаны с общим кругом тем и сопутствующих мотивов, анализ которых позволяет выявить специфическую семантику ситуации у этого автора.

Нами описаны два типа оставляемой обстановки – «тюрьма» и «пустое пространство».

Герой, намеревающийся уйти из обстановки-«тюрьмы» (собственного дома и связанных с ним фабрики, торгового предприятия), ощущает ее сопротивление. Отражением внутренней ограниченности героев, безнадежно заключенных в недостойном образе жизни, служит окружающее их замкнутое пространство. Заполняющие его детали - забор, закрытые двери, узкие окна с решетками, - связаны с семантикой несвободы. Чехов широко использует разработанный в русской литературе провинциальный код, при этом черты провинции оказываются универсалией, переносятся на жизнь героев в Москве. «Теснота», «нехватка воздуха», «тишина», «тля» и «ржавчина» – не только характеристики физического пространства, но и метафоры, описывающие состояние сознания провинциалов (ограниченность, замкнутость, отсутствие мысли, боязнь или запрет выражать свое мнение, всеобщие страх и уныние). С образом жизни обывателей, вызывающим у персонажей желание бежать, помимо традиционных (мотивы скуки, пьянства, бездействия или имитации дела, лжи и воровства) связаны мотивы безумия, слепоты, неясности, непроницаемости окружающего мира.

Покидаемая обстановка другого типа, «пустое пространство», не оказывает никакого сопротивления герою, порвавшему с ней все связи. Само пространство воспринимается как опустевшее, омертвевшее, разрушающееся и исчезающее. С ним связан мотив разрушенного дома, значение которого связано с избавлением от устаревшего и начало новой жизни.

Состояние готовности, желания уйти и сам момент совершающегося ухода связаны с рядом локусов: двор и сад, речная панорама, поле. Кроме того, сознание героя, находящегося в замкнутом пространстве, преобразует его реально видимую часть и создает невидимую, воображаемую даль, в которую должен осуществиться уход. Воображаемое пространство – лишь условность, обозначение неосуществимого и недоступного, это предощущение, самое общее обозначение иной жизни, передаваемой лишь в виде нерасчлененного ощущения. Желания героев не имеют ничего общего с социальными устремлениями, самореализацией, утверждением на привлекательных и активных, но земных путях. Загадочная даль – воплощенное стремление героя к тому,

чтобы нечто извне изменило его сознание и «общий жизненный тонус» (А.П. Скафтымов).

Развитие сюжетной ситуации ухода у Чехова имеет следующие особенности. Все варианты проявляют сходство по функции, разворачиваясь в сюжетную ситуацию (реализовавшийся уход, в том числе добровольно-вынужденный) или оставаясь не воплощенным в фабуле мотивом (герой не готов к уходу, предложенному другим персонажем, несостоявшийся уход).

В произведениях середины 1890-х годов сюжетная ситуация сворачивается до мотива, связанного с состоянием героя, который не способен переступить границы собственного существования, выйти из замкнутого круга. Чехов использует различные способы дискредитации идеи ухода: предполагаемый уход многократно меняя направление, редуцируется и в итоге отвергается; мультипликация вариантов, доходящая до гиперболизма, всеобщее желание бежать; сама готовность героя к перемене судьбы оказывается лишь частным мнением, причем не всегда принадлежащим самому герою; добровольно-принудительный характер ухода, реализовавшаяся ситуация граничит с изгнанием. Даже если уход получает событийное развитие, то порожденные мифологемой ожидания оказываются обмануты, надежда радикально изменить свою жизнь к лучшему оказывается иллюзией. Состоявшийся уход может быть равен минус-уходу: и ушедших, и оставшихся персонажей равно постигает кризис.

Однако, дискредитировав таким образом идею ухода, создав пессимистичные варианты развития ситуации, в последнем рассказе «Невеста» Чехов все же возвращается к положительной сюжетной динамике. Позволив героине избежать всего, что останавливало героев его предыдущих произведений, оставить позади даже героя-идеолога и покинуть мир провинции, Чехов как бы закрывает свою страницу в истории сюжета, исчерпав его и завершив оптимистически.

В заключении подводятся итоги исследования. Сюжетная ситуация ухода предстает как структурное единство, обладающее широким, но узнаваемым смыслом. Ее семантика, диапазон которой разворачивается от архетипических смыслов до злободневных социальных, конкретизируется в контексте историко-литературного периода, творчества отдельного автора и даже произведения. Более определенные семантика и состав отличает ее от генетически связанной с ней архетипической модели, опознаваемой в самых разных фабулах, описанной В.И. Тюпой в качестве четырехчастного мирового археосюжета.

Актуализации темы способствовали культурные и общественные процессы эпохи Великих реформ, смена культурной парадигмы, влияние на литературу группы авторов, для которых разрыв с традицией и своим кругом был девизом, частью самоопределения и фактом биографии.

Частота обращения к данной теме различных авторов от беллетристов до классиков, ее повсеместное проникновение и разнообразное развитие свидетельствует о центральном значении указанной проблематики для литературы второй половины XIX века и о магистральном характере сюжетной ситуации ухода.

Проведенный анализ позволяет также указать на следующую особенность структуры сюжета в классической литературе XIX века. Построение сюжета основано здесь на комбинаторике внутри сюжетной ситуации (или другой единицы). Соединение близких по семантике ситуаций создает разнообразие сюжетов, превращает их в явления, не поддающиеся однозначному определению, повышает их смысловой потенциал.

Перспективы проведенного исследования связаны с изучением сюжетной ситуации ухода в других периодах русской литературы. Кроме того, открывается возможность дальнейшего типологического исследования сюжетов, построения истории русской литературы в типологическом аспекте.

По теме диссертации опубликованы работы:

а) статьи в изданиях, рецензируемых ВАК:

1. Богодерева А.А. Сюжетная ситуация ухода в творчестве А.П. Чехова // Сибирский филологический журнал. – Новосибирск, 2010. – №2 – С. 29–34. (0,4 п.л.)

2. Богодерева А.А. Мотив ухода в монастырь в русской литературе второй половины XIX века // Сибирский филологический журнал. – Новосибирск, 2011. – № 1 – С. 41–45. (0,3 п.л.)

б) статьи в сборниках научных трудов, материалов конференций и др.

3. Богодерева А.А. Мотив отъезда в Америку в творчестве А.П. Чехова // Молодая филология - 2010. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2010. – С. 126–138. (0,4 п.л.)

4. Богодерева А.А. Уход как сюжет жизни и творчества Л.Н. Толстого // Святоотеческие традиции в русской литературе. Материалы I Всероссийской Интернет-конференции с международным участием. – Омск: Вариант-Омск, 2010. С. 217–222. (0,3 п.л.)

5. Богодерева А.А. Сюжетная ситуация ухода в русской литературе второй половины XIX века // Лесная школа. Труды VI летней школы на Карельском перешейке по текстологии и источниковедению русской литературы. - Пос. Поляны (Уусикирко) Лен. обл., 2010. – С. 196–205. (0,4 п.л.)

6. Богодерева А.А. Сюжетная ситуация ухода и пространственные мотивы в рассказах А.П. Чехова // Молодая филология-2010. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2010. – С. 105–126. (0,6 п.л.)

7. Богодерева А.А. Мировоззренческий и художественный аспекты темы ухода у Л.Н. Толстого // Духовное наследие Л.Н. Толстого в эпоху современности. Материалы межвузовской научной конференции (19 ноября 2010 г.). – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2010. – С. 243–244. (0,1 п.л.)

Подписано в печать 11.11.2011 г. Формат 60 × 84 / 16.
Усл. печ. л. 1,0. Тираж 100 экз. Заказ 18438.

Отпечатано в типографии ЗАО «Кант».
г. Новосибирск, ул. Путевая, 18. тел. (383) 351-06-19